

Владимир В. Колычев

С
б
о
р
н
и
к

С
т
и
х
о
т
в
о
р
е
н
и
й

**Странника
незримые
следы**

Владимир Колычев

Странника незримые следы

«Издательские решения»

Колычев В. В.

Странника незримые следы / В. В. Колычев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852442-4

Стихи приходят к нам как дети, бесхитростно и доверчиво, требуют только одного — безоговорочного погружения в их загадочный ритм. Сборник составлен из произведений разных лет. Читатели, каких бы взглядов ни придерживались, возможно, вспомнят и свои подзабытые переживания.

ISBN 978-5-44-852442-4

© Колычев В. В.
© Издательские решения

Содержание

Град поэтов	6
«Стихи приходят к нам, как дети...»	6
Слова	7
«Все...»	8
«Что жизнь?..»	9
Зелье августа	10
Письмо №1	10
Письмо №2	11
«Ивы мокры, липы мокры...»	12
Дачная баллада	13
Гроза	15
«Скоро лето рукою твердою...»	17
«Все люди, в сущности...»	18
Отъезд	19
«Вот и разлуке близится конец ...»	20
Утро	21
Портрет	22
Рыжая	23
«Опять туман сползает с гор...»	24
У общежития	25
Свадьба	26
«На Варпале образовались наледи...»	27
Соседка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Странника незримые следы

Владимир Васильевич Колычев

Дизайнер обложки Владимир Васильевич Колычев

© Владимир Васильевич Колычев, 2017

© Владимир Васильевич Колычев, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2442-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Град поэтов

«Стихи приходят к нам, как дети...»

Стихи приходят к нам, как дети.
Их прогонять – великий грех.
Они приходят на рассвете,
как первый дождь,
как первый снег.

Стихи приходят к нам украдкой,
когда от них не ждешь вестей,
они играют с нами в прятки
и не дают стелить постель.

Стихи приходят, как причастье,
рисуя знаки на стекле.
И только в них все наше счастье
на этой каменной земле!

Слова

Они таят в себе величье
и унижение таят,
и гром небес, и гомон птичий,
и сладость лжи, и счастья яд.

Они таят в себе пожары
и смех, и плач, и недород:
слетят однажды с уст державных —
и нет ни хлеба, ни свобод.

Им, как и прежде, нет изводу,
но с каждым годом все трудней
оберточную позолоту
срывать с фальшивых алтарей.

Они стираются до срока
и в глубине, среди коряг
в молчанье долгом и глубоком
покоятся на якорях.

Они горады на причуды,
они не слушаются нас —
вдруг исчезают из-под спуда
и к нам являются, смеясь.

Они растут под нашим кровом,
мы холим их,
мы их браним.
Но искони под божьим взором
не человек царит над словом,
а слово властвует над ним!

«Все...»

Все,
втуне,
вчерне,
вчуже —
упоительная вязь:
драгоценное оружие,
напрочь сгинувшее с глаз.

Пусть оно,
подобно луку,
обретет былую стать.
Будто посох,
ляжет в руку
золотая рукоять!

«Что жизнь?..»

Что жизнь?

Она всегда права.

Что смерть?

Она всегда нехстати.

Неприхотливо, как трава,
растут стихи в моей тетради.

Негромкие, как шорох звезд,

они в пучине лет сокрыты.

И каждый слог в них так же прост,
как очертанья пирамиды.

Зелье августа

Письмо №1

Знаю я: вы часто заняты.
Я друзей о вас выпрашивал,
не одну тропу я за лето
протоптал у дома вашего.

Свет в окне гасили рано вы,
ну а я, застыв, как страж,
только голову заламывал
на двенадцатый этаж.

Ветер провода раскачивал,
раскаляя в сердце жар.
Но не я – другой украдчиво
вас до дому провожал.

Я его поймал, молодчика,
и с усердием просил,
чтобы осью позвоночника
дорожил он в меру сил.

По пятам бродил за вами я,
растерявши якоря.
И носил, как знамя, звание
рыцаря и бунтаря.

Знаете, какие синие
мне дарили «фонари»?
Вместе с ними с вашим именем
я над городом парил.

Верил я, как верят мальчики,
что однажды у реки
расцелую каждый пальчик я
вашей трепетной руки.

Напою вас зельем августа!
Только знаете —
ни дня
вы не пробуйте, пожалуйста,
обходиться без меня.

Письмо №2

Убежав от старенького вальса
за ограду городского сада,
мы с тобой учились целоваться
под печальный шепот листопада.

Только ночь, не ведая об этом,
нас оберегать не захотела:
из вселенской хляби вместе с ветром
извлекла вдруг милиционера.

Он хамил,
но я не стал с ним драться —
все равно за каменной оградой
лучше всех ты можешь целоваться.
Но других так целовать не надо!

«Ивы мокры, липы мокры...»

Ивы мокры, липы мокры.
На взлохмаченный песок
капли сурика и охры
сыплются наискосок.

За плотиною размытой
зябко плещется вода
и качается сердито
шляпка твоего зонта.

От меня свою ладошку
прячешь в куртке в первый раз —
мне охота выдрать кошку,
перессорившую нас.

Только где ее найду я,
да и как узнаю масть,
коль не знаю сам – какую
на нее готовить снасть.

Мокры липы, мокры ивы,
дождь ложится на песок.
и стою я, несчастливый,
от судьбы на волосок.

Дачная баллада

1

Мне припоминается все чаще,
как по тихой улице чуть свет
выезжал я на проселок спящий,
цепко оседлав велосипед.

Я крутил педали что есть мочи,
потому что на краю села
девочка, мечтательная очень,
втайне ото всех меня ждала.

2

Благородно спешившись, как даму,
я ее усаживал на раму.
И к опушке, где была скамья,
мы летели, головы сломя.

Друг от друга любопытство пряча,
извлекали из дупла Боккаччо
и вкушали, отворив уста,
таинство запретного плода.

В жаркий полдень, позабыв про книгу,
сообща искали землянику
и глядел с обидою нам вслед,
как побитый пес, велосипед.

3

А под вечер, в безрассудстве каясь, —
робкие подпольщики любви —
торопясь, мы порознь возвращались
в дачные чистилища свои.

Но когда на розовой карете
из-за леса выезжал рассвет,
исчезал я из дому, как ветер,
и в карьер пускал велосипед.

4

Только кто-то нас однажды выдал:
был суров и короток допрос —

никогда могущественный Сидор
не бивал так больно своих коз.

5

Все на этом свете преходяще,
что не водрузи на пьедестал.
Только вспоминается все чаще
девочка мечтательная та...

Гроза

Прохладу ночь не принесла.
Казалось, духоты не вынести.
Луна была белым-бела,
едва успев из моря выбрести.

А прошлой ночью —
без нее —
глядели мы, как мглы покровы
распарывало лезвие
прожектора сторожевого.

Он указующий свой перст
швырял в пространство острой спицей
и закипали в нем невесть
откуда взявшиеся птицы.

Накрывшись пледом с головой,
ты слушала заворожено,
как кто-то за крутой горой
раскатывал по небу жернов.

Он битый час впотьмах бродил
и вдруг, затихнув на мгновенье,
в прожектор молнию всадил,
ветвистую, как рог олений.

И тотчас, будто спохватясь,
под грохот огненного бивня
гроза обрушила на нас
стену безжалостного ливня.

И начисто залив исчез,
и ветер взвыл, впадая в ярость,
и жалобно стонал навес,
с железных ног сойти пытаюсь.

Гроза хлестала нас бичом —
ей благодарен был в душе я,
испуганно и горячо
целуя грудь твою и шею.

Гроза свою являла мощь
и молнии сплетала в арку.
И в первый раз я в кровь в ту ночь
колени разодрал о гальку.

«Скоро лето рукою твердою...»

Скоро лето рукою твердою
спрячет синее платье в шкаф.
И посыплются иглы желтые
на реки золотой рукав.

Круче небо начнет снижаться,
и укроет в снегу тайга
длинноухое племя зайцев,
запахнувшееся в меха.

И с надеждой взглянув в рябое,
в желтых складках лицо рубля,
я куплю воротник соболий,
чтоб от стужи спасти тебя.

Ты смеешься, не пряча горечи
и догадываясь о том,
что куплю тебе шапку кроличью
и из драпа полупальто.

«Все люди, в сущности...»

Все люди, в сущности,
обыкновенны:
одни добры, другие – желчи куль.
заброшу к черту все
и непременно
поеду отдыхать на Иссык-Куль.

Ты возразишь: «Зачем мне это нужно?
Киргизия, – ты скажешь, – не для дам!».
И в тот же час
бездумно и безмужно
уедешь в Лондон или Амстердам.

Когда ж мы оба —
без друзей и денег
домой вернемся,
сидя на печи,
со мной ты будешь изучать маркетинг,
а я тебя киргизскому учить.

Отъезд

Мой поезд в шесть.
Уже заря
спросонья протирает очи,
и желтый парус сентября
полощется
над краем отчим.

Еще ты спишь,
а я, как тать,
сейчас разрушу сон твой хрупкий.
Какая мука – поднимать
гантельку телефонной трубки!

Что я скажу?
Что вновь спешу
сокрыться от судьбы заблудшей?
Нет, я тебя не разбужу
и так, пожалуй, будет лучше.

«Вот и разлуке близится конец ...»

Вот и разлуке близится конец —
пускай теперь бессонными ночами
тоска приходит —
истовый истец
с колючими зелеными очами.

Пускай неумолимо, как зима,
она приходит, разомкнувши вежды,
меня, как прежде,
не сведут с ума
ее неисчислимы одежды.

Пускай она заводит песнь свою
и в подземелье манит за собою —
я из ремня петлю не смастерю
и бритвой вены настезь не открою.

Пускай она, все загасив огни,
меня сквозь окна лунным светом жалит:
распахнутое око полыни
меня в свой черный омут не заманит.

Я чашу странствий до конца вкусил,
не пресыщаясь горечью успеха.
Я сотни тысяч верст наколесил —
и никуда от милой не уехал!

Утро

Она с балкона смахивала снег,
нахал какой-то звал усердно вниз ее.
Я, голову задрав,
смотрел наверх
и губы пересохшие облизывал.

Она, бесстрашно свесившись с перил,
нас приглашала вместе к ней подняться.
Но золотым насмешником парил
овал кольца на безымянном пальце.

Светило солнце в миллионы ватт,
вокруг меня степенно меркли звуки.
И сразу стало некуда девать
внезапно удлинившиеся руки.

Я в институт в то утро не пошел
и пробродил по городу все утро.
И было почему-то хорошо,
и было очень грустно почему-то.

Портрет

Эта женщина в грехе рождена неспроста:
она горше любой отравы.
Но улыбается она с холста,
и нет на нее
никакой управы!

Эту женщину
я б целовал в уста,
чтоб любовь ее с бою взять.
потому что —
и это совсем неспроста —
не влюбиться в нее нельзя.

Я знаю:
она бы ушла от меня,
как уходит зверь в непролазные чащи.
Ну и пусть!
Мне б хватило ее огня,
чтобы яду испить из чаши!

Рыжая

Соберу рюкзак – и в путь!
В горний мир, где спят созвездия.
Проживу я как-нибудь
без тебя,
без рыжей бестии.

В той долине, может быть,
женщин нет
и много снега.
Буду снежных баб лепить
и на лыжах в горы бегать.

Будет ветер в трубы дуть
и срывать сосульки с крыши.
Проживу я как-нибудь
без тебя,
без стервы рыжей.

«Опять туман сползает с гор...»

Опять туман сползает с гор,
облизывая бревна хижины.
Пляж деревенский пуст и гол,
и налысо луга подстрижены.

Ты говоришь: тебе пора
к родным немедля возвращаться
и нервно —
так же, как вчера —
свои заламываешь пальцы.

Ты говоришь, что я не тот
и ты совсем не та, как раньше,
что скоро в горы снег придет
и знаю я, что будет дальше.

Да, ты права.
и я смешон,
когда грущу, прижавшись к раме.
И мне известно хорошо,
увы, что дальше будет с нами.

И все ж,
когда я приведу
тебя к довольным домочадцам,
давай —
бог весть в каком году —
опять с тобой начнем встречаться!

У общежития

*Нет приятнее музыки звона
разбиваемого стекла.
Н. Глазков*

Окна бить – занятие мужское,
только чтоб с размаху – кулаком!
Окна бить – занятие такое,
что лишает начисто покоя
тех, кто с этим делом не знаком.

Ни средь бела дня, ни среди ночи
я прощать измены не хочу.
Ты, сержант, усердствуй,
да не очень:
и тебя обманут эти очи —
лживые, раскосые чуть-чуть.

В кобуру запрячь, сержант, свой бойкий,
порохом объевшийся наган.
Пусть она увидит, как на тонкий
алый снег слетаются осколки
из ее окна к моим ногам!

Свадьба

Пляшет снег под небесами,
над землю нависая.
Нас несут по снегу сани,
а куда – не знаем сами.
Ветры свищут или сабли?
Только б кони не ослабли,
только б отлетала прочь
ночь!

По-над степью, по-над лесом,
в поле страх рассеяв весь свой,
онемевшие от песен,
мчимся мы во мгле белесой.
Только б снег хлестал по коже,
только б крепки были вожжи,
только б не касалась уст
грусть!

«На Варпале образовались наледи...»

На Варпале образовались наледи,
я в шкаф забросил ватник и ружье:
пора оставить дикое жилье
и наконец-то показаться на люди.

Тебе принес я глухарей и рябчиков,
которых добыл за четыре дня.
С улыбкою ты смотришь, как на мальчика,
на грязного, заросшего меня.

Я хвастаюсь заиндевевшей дичью,
но слезы вытираешь ты с ресниц
и говоришь:
«Вернулся, мой добытчик.
Как исхудал! Да брось ты этих птиц...»

Соседка

Замкнута.
Стрижена налысо.
Пристально смотрит в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.